

пришествием наступит эра *махди*, когда Мухаммад ибн Исмаил восстановит истинный ислам и утвердит в мире справедливость. В эру *махди* не будет утвержден новый закон (*шариат*), а будет провозглашен последний цикл в истории человечества, раскрыты все Божественные истины, ниспосланные пророкам в другие периоды. Сам Мухаммад ибн Исмаил будет править человечеством до скончания времен.

Р.Р. Рахимов

ИСЛАМ, ИСПОВЕДУЕМЫЙ ЖЕНЩИНАМИ И ИСЛАМ, ИСПОВЕДУЕМЫЙ МУЖЧИНАМИ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТА СВЯТЫХ И ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ТАДЖИКОВ)

Продолжая исследование специфики центральноазиатского регионального ислама, я обращаюсь к такой грани проблемы, которая касается некоторых проявлений несовпадения женской религиозности с мужской. Автором-полевиком прослеживаются явления, которые позволяют почувствовать определенные элементы существования в оседлой среде Центральной Азии объектов преимущественно мужского и преимущественно женского культа. На это указывают отдельные особенности практики ритуального посещения почитаемых мест (*мазор*'ов), связанных с именами легендарных или реальных подвизников ислама, именуемых *хазрат*'ами/*ходжа*'ми.

Следует, прежде всего, иметь в виду, что культ святых и паломническая практика, рассматриваемая нами как институт ритуальных путешествий к святым местам, это не область догматических (теологических) концепций ислама. Поклонение мазарам в отличие от канонического ислама, который является религией Писания и мечети, представляет собой в большей степени религию Пути к некоему *чудесному*, сказать иначе, к магии объекта культа. В мечеть, в которую у таджикских женщин нет доступа, верующий обращает свой внутренней взор к абстрактному Богу посредством абстрактных молитв; в этом случае Бог для человека, находящегося в молитвенной позе, становится

и учителем, и судьей, и любящим, и карающим. Культ святых и паломничество к священным местам позволяют верующему обратить взоры к правящему сакральными объектами духу конкретного подвижника религии (учителя и *пир*) или к другому почитаемому объекту как к посреднику между Богом и им самим с конкретными целями. Говоря иначе, верующий обращается к Творцу посредством ритуального объекта. В этом случае страх перед Богом отступает, трансформируясь в надежду или, если так можно выразиться, становясь созвучным надежде. Таким образом, появляется возможность о культе святых и паломнической практике говорить не в контексте книжного ислама, а как об области народной религии, в значительной степени оторванной от доктринальных установок господствующей религии. Акцентировать внимание на этой области важно еще и потому, что это дает исследователю возможность подвергнуть анализу широкий спектр проблем, относящихся к религиозной жизни верующего мусульманина. Прежде всего, в поле зрения исследователя обозначенной тематики оказываются большое разнообразие объектов почитания. Это не только культ святых как собственно подвижников ислама и, соответственно, поклонение архитектурно оформленным склепам, мемориальным усыпальницам святителей, а также их реликвиям. Приковывает внимание также культ элементов природы — земли, воды, деревьев, кустов и огня.

Не менее привлекателен для исследования культ святых мест естественного происхождения (горных вершин и скал, пещер, камней, деревьев, родников). В этом плане нельзя оставлять без внимания и сакрализацию бесчисленного множества предметов быта, текстов, четок, оберегов, амулетов и т.п. В этом отношении интерес представляют также проявления почитания семейного очага, а также культ предков. Неотъемлемой частью данной проблематики является институт паломничества в религиозной практике местного населения. В этом направлении ждут своих исследователей много вопросов, как например, мифология эпонимов мазаров и специфические особенности облика рукотворных почитаемых объектов. Важным аспектом этой проблемы, а это то, что интересует автора, является пространственная организация святынь и цели, которые преследуют паломники-мужчины и паломники-женщины при совершении ритуального посещения. Это как раз вопрос о предпочтении, отдаваемом теми и другими при выборе объекта (или объектов), составной частью входящего в культовый комплекс. Есть и другие вопросы, например, принципы практического выполнения необходимых ритуалов и обрядовых действий при жертвоприношениях. Конечно, эти достаточно сложные вопросы требуют самостоятельного рассмотрения.

Как уже говорилось, официальный ислам в целом не поощряет выполнение женщинами ряда религиозных обязанностей. Что касается совершения ими ритуальных путешествий к святым местам, то в этой сфере, за некоторыми исключениями, например, ограничение входит

внутри усыпальницы святого, особых запретов нет. Пребывать внутри центрального объекта почитания — мавзолея и молиться там, подбирая подходящие случаю коранические тексты — прерогатива мужчин. Ритуальное посещение женщинами святыни ограничивается касанием лбом порогов или стены гробницы или мазанием лица пылью с ее стены. Их молитвы, в отличие от молитв мужчин, которые являются кораническими текстами, — индивидуальные и часто спонтанные сакрализованные формулы, по своему происхождению не являющиеся книжными (то есть не имеющие коранического закрепления). *Зиёрат* мужчин обычно включает ритуалы поклонения склепу (они бывают под открытым небом или под крышей усыпальницы хазрата, с которым связана мифология его мазара) и круговые обходы могилы святого. С целью осознания Бога верующие-мужчины практикуют также намеренное сорокадневное созерцательное затворничество в особой комнатке, обычно внутри мавзолея. Все это говорит о том, что поклонение мужчин мемориальным сооружениям не есть надежда на чудо исполнения земных желаний, а, в большей мере, путь к религии, которая подразумевает исповедание официального ислама. Посещение прочих ритуальных объектов, говоря условно, предписано в основном женщинам. Как женщинам ограничен вход в архитектурно оформленное мемориальное сооружение, так и мужчинам, как-то негласно, ограничено посещение мест женского поклонения. Есть одна разница: объекты преимущественно женского почитания расположены немного на периферии центрального объекта культового комплекса. Специфические области народного ислама позволяют женщинам реализовать себя в сфере, которая являет собой не исповедание официального ислама, а особую форму религиозной практики. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в таджикской среде, при совершении паломничества даже к одной и той же святыне и выборе объекта (объектов) культа, составной частью входящего в ее комплекс, женские и мужские предпочтения часто не совпадают. Так происходит потому, что посещая святое место, мужчины и женщины часто преследуют разные цели.

Прежде чем продолжить разговор на эту сложную тему, позволю себе небольшое отступление. Дело в том, что почитание святых и институт паломничества долговечней и прочней религиозных доктрин, которые меняются в зависимости от изменения религиозной ориентации населения. В этом качестве культ святых мест, объектов, предметов, а также паломничество сопровождают человека на протяжении всей его истории. Благодаря этому, сама эта практика формируются, становясь неким интеллектуальным сосудом, в котором умещаются черты наследия религий, последовательно сменявших друг друга на протяжении многих тысячелетий.

Если под этим углом зрения посмотреть на мазары в целом, то становится вполне очевидным, что в абсолютном большинстве случаев это

культовые объекты далекого доисламского происхождения. Мифология эпонимов существующих мемориальных сооружений была подвергнута реформатированию исламом уже после его установления в регионе в качестве господствующей религии. Происходило (и происходит) это путем сооружения склепов святых (чаще всего без мощей), возведения над ними погребальных сооружений, установления других мусульманских атрибутов на месте или рядом с прежними доисламскими объектами культа. В центральноазиатском исламе такая практика была практически общим местом. Поэтому, мы видим, что почти всюду в этом регионе со знаковыми рукотворными объектами собственно мусульманского культа (склепами, мемориальными сооружениями, почитаемыми шестами-*тугами*, реликвиями святых), соседствуют (или существуют самостоятельно), так сказать, маргинальные почитаемые объекты естественного происхождения, культ которых, возможно, питается еще из индо-арийских религиозно-мировоззренческих источников. По признаку слабой интегрированности в маскулинные объекты культа, к маргинальным относятся упоминавшиеся выше горные вершины и скалы определенных геометрических форм (или напоминающих человеческую фигуру), пещеры и гроты, а также камни часто метеоритного происхождения. В числе этих объектов — родники, различные реликтовые деревья типа можжевельника, *сада* (тюрк. «карагач»), боярышника, алычeveго дерева или целой рощи, к примеру, барбарисовых кустов и т.д.

Здесь я подхожу к тому, что является целью представленного доклада: описание практики посещения группы, так сказать, маргинальных объектов, представляющих собой мазары, к которым обращают свои внутренние взоры в основном женщины. Поиски пути к чудесному концентрирует паломниц больше около родников¹, водоемов с естественным выходом подземной воды на земную поверхность, камней² и деревьев³. Нужно сказать, что к посещению женщинами этих объектов в ритуальных целях официальный ислам относится несколько неодобрительно, что видно из того, что паломники-мужчины не проявляют к ним большого интереса. Но ислам не препятствует им быть весьма активно посещаемыми. Наверное, потому, что с этим связано увеличение потока посетителей и, следовательно, роста пожертвований, необходимых как для содержания мемориалов, так и для экономического благополучия служителей культа. Так или иначе, мы видим, что в рассматриваемой сфере народного ислама круг объектов женского культа гораздо шире и разнообразнее, чем объекты мужского культа. По этим признакам, народный ислам представляет собой форму религиозной практики, которую в большей степени исповедуют женщины.

Зийрат мужчин «своих» объектов обычно принимает строго ритуализованный характер. Цели, которые они преследуют при поклонении мазару, практически мало отличаются одна от другой. Путь к религии, надежда на спасение за грехи и желание вымалывать их у карающего

Бога рождает в паломнике-мужчине сосредоточение сознания, стремление к созданию некоей внутренней субстанции, связывающей его с прошлым, настоящим и будущим. Заметный отсутствующий вид, подчеркнuto медленные движения, проявления послушания шейху мазара — все это указывает на состояние души паломника, пребывающего во время выполнения ритуальных действий в состоянии раздумья.

В репертуаре женских действий (имеется в виду при посещении собственно женских объектов поклонения) оттенки, присущие поклонениям мужчин, выражены меньше. Со стороны кажется, что посещение мазара для женщин предполагает не внутреннее сосредоточение, как у мужчин, а своеобразную форму времяпрепровождения, в определенном смысле празднования соприкосновения с неким чудом, которое вызывает волну эмоций. Признаки такого отношения к зиёрату, отчетливо ощущаются в мазарах, расположенных за пределами городов или крупных населенных пунктов⁴. На этих ритуальных объектах активность паломниц выражается в приготовлении обильных жертвенных угощений (в виде плова или мясных блюд), которые подаются к *дастархану* (скатерть, на которую раскладывается пища) паломников. У таджиков на сей счет существует поверье, что запах пищи, пропитанный субстанциями огня и воды, уносится по воздуху в обитель праведных душ, а также в источники, где рождаются материи света и воды, за что человек получает желаемые результаты: бездетный — ребенка, оказавшийся в полосе невезения — избавление от нее, больной — здоровье и т.д. Одни только эти представления указывают на различие в совершении паломничества мужчинами и женщинами. В женском понимании мира чудесное, то есть нечто, стоящее по другую сторону человеческого бытия, при условии выполнения определенных обрядов, может стать достижимым. Конечно, это тоже подражание готовым образцам. Но в отличие от целей и, соответственно, характерных черт поклонения мужчин при совершении *зиёрата* для женщин гораздо важнее определить свою конкретную, носящую земной характер цель. С этой целью связан выбор объекта культа и, стало быть, путь ее достижения. Иначе выполнение той или иной магической церемонии не имеет смысла.

Отмеченные факты иллюстрируют ощутимые особенности ритуального посещения мест поклонения мужчинами и женщинами. Они убеждают в том, что женское и мужское посещение мазаров отличаются друг от друга не только в плане выбора объекта почитания, но и с точки зрения целей, которые они преследуют. В целом, складывается впечатление, что у женщин восприятие мира отличается от его восприятия мужчинами: у них Бог не карающий, а любящий, милостивый. Может быть, поэтому паломницы менее зависимы от духовенства.

Совершенно очевидно, что отмеченные особенности в поведении женщин во время ритуального посещения мазаров ведут свое проис-

хождение от доисламских обычаев, обрядов и символов. Из своеобразия совершения ими *зиёрата*, возникает ощущение, что в их душах все религии мира соединены вместе как различные пути к единому Богу. Примечателен пример, дополнительно иллюстрирующий специфику женской религиозности в таджикской среде. Речь идет о том, что многие почитаемыми женщинами объекты, связаны с именами *алидов* — персонажей шиитского ислама, притом, что народы Центральной Азии, в основной своей массе, исповедуют суннитский ислам ханифитского *мазхаба* - богословско-правовой школы (толка).

Между прочим, с культами *алидов* связаны не только женские почитаемые объекты, но и многочисленные, говоря условно, собственно мусульманские места поклонения. Как пример, можно сослаться на почитание горных вершин определенной (часто геометрической) формы или скал, напоминающих человеческие фигуры, а также пещер и гротов (из-за трудностей путей и подходов они часто недоступны женщинам для посещения). Более того, у таджиков имена шиитских святых, по сути, составляют прочную основу маскулинной антропонимической модели. Сам Али ибн Абу Талиб является скрытым *пиром*-покровителем, к имени которого мужчины апеллируют, когда возникает необходимость, например, мобилизовать свои внутренние ресурсы для подъема какой-либо тяжести, прыжков при преодолении высоты или длины, а также когда нужно садиться в машину, на верховое животное и т.п. При этом они произносят: «К тебе обращаюсь мой покровитель Али — лев Божий». *Алиды* являются героями многих легенд и преданий местного населения. Если судить по этим признакам, то получается, что в таджикской среде Центральной Азии граница между исповеданием суннизма и исповеданием шиизма является весьма прозрачной; она существует не на уровне народного ислама, где культ *алидов* связывается с их принадлежностью к семье Пророка. Пути суннизма и шиизма расходятся больше на уровне религиозных убеждений в каноническом исламе, в основании которого, как и в других религиях, заложено семя, из которого обычно вырастает политика. Но это несколько другой вопрос. Мы его оставляем, сосредоточившись больше на попытке раскрытия истоков, из которых питается специфика женской религиозности.

Обрисованная картина специфики женской религиозности на Востоке показывает определенное несовпадение видения мира и себя мужчинами и женщинами. Складывается впечатление, что свои религиозно-мировоззренческие установки они черпают из разных источников. Это видно из того, что местные женщины обращают свой внутренний взор часто туда, куда их далекие предки обращали его еще задолго до завоевания арабами этого района мира. Что касается мужчин, они в большей степени ориентированы на учение Пророка Мухаммада, олицетворяющего ислам единый. Благодаря этому обстоятельству в таджикской среде сформировался ислам, исповедуемый преимущест-

венно мужчинами и ислам, исповедуемый преимущественно женщинами. Мужчины ориентированы в основном на ислам книжный (коранический), женщины, при устойчивом мусульманском самосознании, — на ислам народный (не-книжный), ведущий свое происхождение из далеких доисламских верований и представлений, составной частью вошедших в ткань исламской обрядности и культа. В итоге появляется возможность говорить об определенной специфике господствующей у таджиков религии в аспектах ислама маскулинного и ислама феминного. В настоящее время кое-что в этом отношении начинает понемногу меняться. Например, при вновь строящихся мечетях появляются отдельные помещения для совершения молитвы женщинами. При этом, *имамом*, то есть предстоятелем в церемонии совершения ими намаза выступает мужчина, голос которого транслируется по репродуктору из основного помещения, предназначенного для молитвы мужчин. Из всего этого складывается впечатление, что в оседлой среде Центральной Азии процесс переориентации женщин от элементов прежних (доисламских) культов на новые ценности не вполне еще завершен, хотя, они вполне осознают себя мусульманками (видимо, уже по факту рождения в мусульманской среде). Подвергнутые анализу данные показывают, что ислам, по крайней мере, в его центрально-азиатском варианте во многих, подчас принципиально важных моментах не упраздняет полностью то или иное явление культуры или устойчивые элементы доисламской системы верований и представлений покоренных народов, а интегрирует их в систему собственно исламских ценностей. Этим достигается определенная гармонизация в отношениях ислама и элементов доисламского наследия.

Изложенные сведения значительно меняют представление о центральноазиатском исламе. Они свидетельствуют о том, что региональная выраженность этого религиозного учения раскрывается не только в области книжного учения Пророка Мухаммада, но и в сфере народного ислама, отражением которого является культ святых и традиционный институт паломничества.

***

¹ Родниковую воду пьют, произнеся молитвенные формулы, и набирают домой, предлагая ее членам семьи, родственникам и соседям.

² Кое-где камни установлены в *михрабе* — нише во внутренней стене усыпальниц, обращенной к Мекке — таким образом, что выполняют своеобразную функцию алтаря.

³ К веткам почитаемых деревьев привязывают разноцветные лоскутки с целью исполнения желаний.

⁴ Как пример, я могу сослаться на мазары *Чилу чор чаиша* («Сорок четыре родника», Шаартузский район), *Хазрати султони Увайси Карани* (Ховалингский район), Калачай мазор («Мазар при укреплении», окр. г. Исфара), Ходжа Такровут (Канибадамский район) и др.